

ФЕДОР АБРАМОВ  
**ТРАВА-МУРАВА**  
*Рассказы*

### **АВАГОР И ШАВАГОР**

— Мелкий пошел народишко. Морошка. Война подкосила людей-то. Голод-то этот затажной. После войны ребят в армию надо брать — слезы: не вытягивают ростом. Специально на откормку ставили.

А какие раньше-то богатыри на Пинеге жили! Слышал про Авагора-то да Шавагора? Два брата были. Один на Авой горе жил — километра два повыше Верколы. Там и доселе борозды от полей видать. А другой — у Шавой — ниже деревни два километра.

И вот Авагор все к брату на лодке ездил в бане мыться. Раз шестом толкнется — лодка на сто метров вперед летит. А то опять хватится который — топора под рукой нету: "Брат, кинь-ко мне топорик!"

И кидали. С горы на гору кидали. За четыре версты.  
Вот какие на нашей земле люди-то в старину жили!

### **ОФИМЬИН ХЛЕБЕЦ**

— Справедливости на земле нету. Бог одной буханкой всех людей накормил — сколько молитв, сколько поклонов. Я еще маленькой была, отец Христофор с амвона пел: и возблагодариша господу нашего, единым хлебом накормиша нас... А про меня чего не поют? Я не раз, не два свою деревню выручала. Всю войну кормила. Мохом.

Раз стала высаживать из коробки капустную рассаду на мох. Смотрю: ох какой хорошенькой мошок! Чистенькой, беленькой. А дай-ко я его высушу да смелю. Высушила, смолола. Ну мука! Крупчатка! В квашню засыпала, развела, назавтра замесила (мучки живой, ячменной горсть была), по сковородкам разлила — эх, красота!

Ладно. В обед, на поже, достаю, ем — села на самое видное место. Женки глаза выпучили — глазами мои хлебы едят. «Офима, что это?» — «А это, говорю, мука пшенична моей выработки». Дала попробовать — эх, хорошо! «Где взяла? Где достала?» — «На болоте». Назавтре все моховиков напекли — ну не те. Скус не тот. Опять: сказывай, где мох брала. Я отвела место на болоте — всю войну не знали горя. Уродило не уродило — мы сыты.

Думаешь, мне благодарность была? Спасибо сказали? Тепере-ка клянут. У всех желудки больны. От Офимьиного хлебца, говорят. От моха.

### **РОДНОЕ ГНЕЗДО**

Степан Григорьевич последним перебрался из С. в большое село — не стало больше сил жить на хуторе: ведь зимой только и ходу из С., что на лыжах.

Сыновья, не последние люди в районе, поставили отцу дом в самом центре села. Удобно. Все под рукой, все рядом: магазин, почта, сельсовет, медпункт. И первые две недели старик нахвалиться не мог новым житьем. А потом стали замечать: у Степана Григорьевича одна дорога каждый день — в верхний конец села.

Выйдет на крутой угор, встанет возле старой лиственницы и часами со слезой на глазах смотрит за реку, на зеленый запустевший бережок, где еще недавно стоял его родной дом, дымилась старая, еще отцом битая печь.

### **ЗАРОК БЛОКАДНИЦЫ**

Заговорили о неустроенности, о бедах сегодняшнего бытия, о всевозможных недостатках, о болезнях, которые косят людей, — что за жизнь? Что за век?

Кое-кто вздохнул, кое-кто охнул, а кое-кто даже слезу пустил. И только одна старая Наталья Александровна невозмутимо улыбнулась.

— После войны я ни разу не плакала. Грех великий плакать, кто пережил блокаду да войну.

### **АННА СТЕПАНОВНА И АНЮША**

— Где побывала, Анна Степановна? Не у подруженьки своей?

— У нее, у Анюши, — отвечает бойко Анна Степановна.

При этом что удивительно: Анне Степановне всего четырнадцать лет, а ее подруженьке давно уже перевалило за шестьдесят.

Но это решительно никого в деревне не смущает — ни старых, ни малых. Так уж сумела поставить себя эта девчонка смала: у ровни она всегда была заводилой, а взрослых опять купила своим умом да смекалкой. Обо всем у нее свое суждение, о каждом человеке свое мнение.

Вот и отличили ее земляки, вот и величают с малых лет по имени и отчеству.

### **СЛОВО ПОМОГЛО**

У Павлы Северьяновны утренний аврал: полдевятого, через полчаса за прилавок в белом халате вставать (в ларьке торгует), а у нее вся кухня дыбом, и сама еще не одета.

— С отцом сегодня долго проканителлась, — оправдывается она. — Вчера, вишь, зарплату давали, часы на улице потерял — искала, да самого по частям складывала, по всей деревне опохмелку разыскивала — тоже время надо.

— А дочери?

— А дочери еще спят. Не смею будить-то. Не свои, живо люди оговорят. — Северьяновна вышла за вдовца, у которого, кроме старшего сына, живущего отдельно, своим домом, были еще две дочери, две крупнотелые девицы-школьницы.

Я рассвиrepел. Я в такую работу взял ее (осточертела эта нынешняя возня с деточками!), что забыл даже про стамеску, за которой приходил. Вспомнил, когда уже из заулка выбегал.

Дней через десять встречаю Северьяновну на улице — цветет.

— Ты заговорил у меня девок-то, что ли? Ведь они как шолковы стали. Я нахвалиться не могу.

— Вот и ладно.

— Да уж чего лучше. Ты выбежал тогда от нас, дверями хлопнул, они заглядывают с другой половины: «Чего это, мама, писатель-то психует?» Так и сказали — что будешь врать. Меня, говорю, ругал. За то ругал, что с вами распустилась. И вот — чудо. На обед прихожу, у меня все дома прибрано, намыто, чайник горячий на столе меня дожидается. А назавтра-то утром встала — они обе у меня на ногах: «Мама, что нам делать?» Подменил, подменил ты у меня девок.

### **ЛЕНЬКА БУДЕТ МЕХАНИКОМ**

У писателя С. младшему сыну четыре года. И вот этакий-то карапуз однажды вкатывается в кабинет к отцу с разобранным замком от входных дверей.

— Леня, что ты наделал? Положи сейчас же на диван, а то потеряешь детали и шурупы — двери не закрыть.

С. был занят срочной работой, взяться за замок сразу самому было некогда, а когда освободился — замка на диване не было.

— Леня, Леня, где замок?

Леня входит к отцу и радостно улыбается.

— Замок, говорю, где?

— В дверях.

— Как в дверях?

С. выбежал в переднюю и глазам своим не верит: замок действительно в дверях. Все на месте, все шурупы, все винтики ввинчены, и сделал это четырехлетний ребенок!

С тех пор С. всем говорит:

— Леня будет механиком!

## НА ТЕМУ ВОСПИТАНИЯ

Виктор Васильцов три года воспитывал племянника-сироту, и что же? К семнадцати годам племянник стал законченным прохвостом.

— Валька, — раз Виктор спросил племянника, — скажи, бога ради, где ты набрался всякой мерзости и пакости?

— У тебя, дядя Витя, — глазом не моргнув, ответил Валька.

— Как у меня? Да разве я когда плохому тебя учил?

— А ты подумай, подумай.

Виктор подумал и заколебался: а может, и в самом деле от него? Ведь он, чтобы правильно, на конкретных примерах воспитывать парнишку, литературку всякую подчитывал — и свою, и зарубежную. Авторитетов на помощь призывал.

Только вот вопрос: почему же он, сукин сын, отбросил все хорошее, положительное, а все плохое, отрицательное — взял на вооружение?

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Трава—мурава : рассказы // Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. – СПб., 1993. — С. 288—412